

М. Кузмин

КОМЕДИЯ О  
МАРТИНИАНЕ



M. Kuzmin

*Martinian*

A Comedy

*Russian Titles for the Specialist*

No. 9

М. Кузмин

**КОМЕДИЯ О  
МАРТИНИАНЕ**

---

M. Kuzmin

*Martinian*

A Comedy



**PRIDEAUX PRESS**

LETCWORTH - HERTS - ENGLAND

*First published in Russia 1908*

*This edition first published 1970*

*Reprinted in Great Britain by*

*The Scolar Press Limited, 20 Main Street, Menston, Ilkley  
Yorks., England*

**КОМЕДІЯ**

**О МАРТИНІАНЪ.**

## DRAMATIS PERSONAE:

**МАРТИНЬЯНЪ, монахъ.**

**СТАРЫЙ МОНАХЪ.**

**МОЛОДОЙ МОНАХЪ.**

**ДЬЯВОЛЪ.**

**ЗОЯ, куртизанка.**

**ЛЕВКЛАДІЯ.**

**СЛУГИ ЗОИ.**

*Дѣйствіе близъ Кесаріи Палестинской; на дикомъ островѣ среди моря; въ монастырѣ на берегу моря.*

---

---

---

## КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Передъ кельею Мартиньяна; ночь.

ДЬЯВОЛЪ:

Какая скука быть приставлену къ монахамъ,  
Такимъ какъ Мартиньянъ!

Не я ль смущалъ его, взметнувшись чернымъ  
прахомъ,  
Тогда какъ онъ стоялъ съ говнѣемъ и стра-  
хомъ,

Молитвословьемъ пьянъ?

Не я ль пугалъ его, вѣясь змѣею длинной

По солнечнымъ пескамъ?

Скакалъ предъ нимъ не я ль вдругъ пляскою  
безчинной?

Но онъ стоялъ какъ столбъ, одѣтый лишь  
овчиной?—

Слѣпой къ моимъ скачкамъ...

Ночами насылалъ соблазны и видѣнья—

Томленія провалъ,—

Щитомъ надежнымъ взялъ онъ постъ, мо-  
литву, бдѣнья

И, крикъ мой залушивъ, псалмовъ протяж-  
ныхъ пѣнья

Онъ все не прерывалъ.

Теперь я новый мечъ досталъ себѣ для боя:  
Посмотримъ, чья возьметъ!  
Пошлю, какъ онъ уснетъ, ослабленный отъ  
зноя,  
Живою на него свою служанку Зою,—  
И вотъ она идетъ.

Зоя и слуги.

ЗОЯ:

Это и есть его берлога?

1-ый слуга:

Да, да. Не вернуться ли тебѣ, госпожа?  
Онъ—грубъ, а ночь темна и грозитъ бу-  
рею.

ЗОЯ:

Ты рассуждаешь, какъ неимѣющей поня-  
тія о чести. Что же, я втунѣ предприни-  
мала этотъ путь? Я побилась объ закладъ,  
что онъ не устоитъ, и не вернусь раньше,  
чѣмъ не исполню клятвы. Вы все захва-  
тили, что я велѣла?

2-ой слуга:

Вотъ мѣшокъ. Два покрывала.

Зоя:

Полосатая?

2-ой слуга:

Да, оранжевая съ чернымъ. Золотой поясъ, серьги, запястья съ крыльями Правды, ножные браслеты.

Зоя:

Да. Амулетъ къ поясу и кольца?

2-ой слуга:

Прости, госпожа, я оставилъ дома подвѣску.

Зоя:

Что ты говоришь?

2-ой слуга:

Я оставилъ дома амулетъ.

Зоя:

Когда вернемся, я велю дать тебѣ достаточно розогъ, чтобъ укрѣпить твою память.



2-ой слуга:

Я твой рабъ, госпожа: дѣлай, что хочешь.

Зоя:

Еще бы!

1-ый слуга:

Тебѣ нужно быть спокойнѣе: гнѣвъ вліяетъ на цвѣтъ лица.

Зоя:

Ароматовъ захватили?

2-ой слуга:

Твой флаконъ съ Эросомъ на крышкѣ.

Зоя:

Дуракъ! что я иду къ александрійскому папѣ на свиданіе? Амбру слѣдовало взять, а не тонкую смѣсь. Прыщъ безмозглый! Теперь идите! стойте за той скалой. Когда я вамъ свистну—бѣгите со всѣхъ ногъ на мой зовъ. Ну, маршъ!

Слуги уходятъ. Зоя стучится въ дверь Мартиньяна и громко стонетъ.

МАРТИНЬЯНЪ:

Кто тамъ?

Зоя стонетъ громче.

Кто стонетъ у моего порога?

ЗОЯ:

Женщина, женщина умоляетъ тебя, отецъ,  
дать ей пріютъ.

МАРТИНЬЯНЪ:

Ты ошиблась, голубушка, дверями: это—  
келья, а не веселая гостиница. Куда я  
тебя дѣну?

ЗОЯ:

Сжался. Только на одну ночь.

МАРТИНЬЯНЪ:

То-то и плохо, что на ночь.

ЗОЯ:

О! слышишь вдали рыканье льва, даль-  
ній громъ? Я не могу идти далѣе, мои  
ноги въ крови. Не уподобляйся выгнав-  
шимъ меня изъ дому займодавцамъ!  
Сжался.

МАРТИНЬЯНЪ:

Бѣдная дурочка, да какъ же мы будемъ всю ночь вдвоемъ одни? подумала ли ты объ этомъ?

ЗОЯ:

Я такъ измучена, во мнѣ нѣтъ больше женщины, а ты—святой: чего намъ страшиться? Открой свою дверь, ради безсмертныхъ.

МАРТИНЬЯНЪ:

Еще и язычница, къ тому же!

ЗОЯ:

Да, я чту безсмертныхъ боговъ. Но что тебѣ до того? Теперь я—просто несчастный человѣкъ, преслѣдуемый судьбою, людьми и природою. Я падаю отъ усталости и сна.

МАРТИНЬЯНЪ:

Ну, входи, пожалуй. Все равно, скоро вставать на псалмы, ты не помѣшаешь. Входи, согрѣйся.

Отворяетъ дверь; внутри очагъ.

ЗОЯ:

Да наградишь тебя Небо. Огонь! Ахъ, какъ тепло! какъ я благодарна тебѣ! Ты—какъ братъ мнѣ. Какое у тебя доброе лицо!

МАРТИНЬЯНЪ:

Скорѣе, какъ отецъ, скажи.

ЗОЯ:

Нѣтъ, нѣтъ: ты, навѣрное, моложе меня; загаръ и постъ не скрываютъ твоей юности. Сколько лѣтъ тебѣ?

МАРТИНЬЯНЪ:

Двадцать пять.

ЗОЯ:

А мнѣ двадцать. И ты все время одинъ, никого не знаешь, никого не любишь? Это изъ овчины, да?

МАРТИНЬЯНЪ:

Спи, знай. Вотъ правда: дай женщинѣ отдышаться, какъ у нея уже глупости на умѣ.



Зоя:

Сплю, сплю, не сердись. Спокойной ночи.

Дѣлаетъ видъ, что засы-  
паетъ. Мартиньянъ смотритъ  
на спящую Зою.

МАРТИНЬЯНЪ:

Какъ быстро она уснула: навѣрно, устала. Кто знаетъ, сколько пройдено ею по жару, дѣлающему безъ силъ и не такія слабыя ноги? Какъ покрыты пылью ея ступни, какъ высоко вздымается ея грудь! Ее преслѣдуютъ займодавцы, сказала; она знавала роскошь и нѣгу; трудно отвыкаютъ отъ нихъ. Мнѣ кажется, ея глаза подведены: какъ хитры женскія уловки: нѣсколько точекъ около разрѣза вѣкъ и взглядъ насъ вдвойнѣ плѣняетъ! Я давно не видѣлъ женскихъ волосъ, и какъ они устроены мелкими косичками! Послѣдняя у меня была Девора, издалика пришла она тогда; она просила исцѣлить ее отъ неплодія, и мужъ ея стоялъ тутъ же, смущенно улыбаясь. Рыжая она была. Я въ первый разъ слышу, чтобы рыжія женщины могли быть неплодными. Схожу, однако, принесу ей воды и финиковъ, пока спитъ.

Уходитъ. Зоя открываетъ глаза, озирается, улыбаясь, и плещетъ въ ладоши.

ЗОЯ:

О мужчины, всѣ вы таковы! Отвыкъ онъ отъ подведенныхъ глазъ, да заплетенныхъ косъ, а что онъ скажетъ, увидя меня во всемъ нарядѣ любви?

Поспѣшно надѣваетъ поверхъ рубища роскошные прозрачные уборы и золото.

Такъ, такъ: ты, покрывало,—крѣпкій панцырь; ты, поясъ, какъ у воиновъ; браслеты—мои калиги, запястья—мои мечи, серьги—стрѣлы крылатыя, и шлемъ мой—діадема. Я готова къ любовному поединку; спѣши, мой врагъ! О, Мартиньянъ!

Мартиньянъ останавливается, войдя, въ изумленіи.

МАРТИНЬЯНЪ:

Что это? кто еще сюда забрался? что за блудница пляшетъ у моего очага, гдѣ спитъ усталая женщина?

ЗОЯ:

Ты не узнаешь меня?

*Мартиньянъ мой милый, погляди на меня:  
Не узналъ ты Зою, рабы твоей?  
Не дарить привѣта, улыбки ей—  
Безъ тебя постыло сіянье дня!*

МАРТИНЬЯНЪ:

Господи помилуй, да неужели это моя странница? откуда ты взяла наряды-то?

ЗОЯ:

*Ахъ, не видишь, видно, ты моей красоты  
И не вѣришь, вѣрно, твоей младости,  
И не знаешь, знать, любви сладости,—  
Что стоишь, не глядишь, будто камен-  
ный ты.*

МАРТИНЬЯНЪ:

Ты изъ ума выступила? что за рѣчи ко мнѣ? ты, вѣрно, лунатикъ или припадочная?

ЗОЯ:

*Не лунатикъ я, другъ, не припадочная:  
За любовью твоей и пришла сама,*



*Златымъ поясомъ препоясана,  
Вся въ огнѣ, вся въ любви, въ бреду  
точно я.*

МАРТИНЬЯНЪ:

Женщина, перестань: или я уйду, или ты  
должна будешь оставить мою келью.

ЗОЯ:

*Не гибо ль, не тонко ль тѣло мое?  
Руки мои не лебединья ль?  
Объятья мои не змѣиная ль?  
Жасминно тѣло, бѣло оно!*

Мартиньянъ, Мартиньянъ, не уклоняйся!  
Я—богата, я нарочно пришла за твоей лю-  
бовью. Апостоль благословляетъ бракъ.  
Ты—молодъ; твои губы—свѣжи! Патріархи:  
Енохъ, Авраамъ, Моисей, Давидъ имѣли  
женъ. Не двухъ ли женъ и двухъ на-  
ложницъ имѣлъ Іаковъ? Полюби меня!

МАРТИНЬЯНЪ:

Чуръ меня! чуръ меня!

ЗОЯ:

Ты уже раненъ мною: зачѣмъ ты скры-  
ваешь свою любовь? Милый, милый, не  
дай мнѣ умереть!



МАРТИНЬЯНЪ:

Ослица бѣшеная, оставь меня! прочь, прочь! Господи, утиши бурю страсти моей!

Вскакиваетъ на угли очага.  
Зоя смотритъ.

Зоя:

Что ты дѣлаешь? вѣдь, горячо же.

МАРТИНЬЯНЪ:

Отъ вашего брата и не на такую муку полѣзешь.

Зоя:

Ты сожжешь ноги; сойди: я больше не буду, я обѣщаю.

МАРТИНЬЯНЪ:

Не сойду, пока не совлечешься уборовъ.

Зоя:

Вотъ они, вотъ они!

Раздѣвается.

Доволенъ ты? хочешь, чтобы я сбросила и рубище?

МАРТИНЬЯНЪ:

Нѣтъ, ужъ, пожалуйста, не начинай новой сложности. Я думаю, ты можешь идти теперь домой, свѣтло уже, а я примусь лѣчить свои ноги.

Зоя:

Да.

МАРТИНЬЯНЪ:

Если ты ищешь спасенія души, обратись къ матери Павлинѣ въ Виѳлеемѣ: тамъ быстро обрѣтають покой.

ЗОЯ:

Очень мнѣ нуженъ твой покой!

Вдругъ громко кричитъ и свиститъ, прибѣгаютъ слуги.

О! а! на помощь: этотъ сатиръ хотѣлъ меня обезчестить!

Слуги бьютъ Мартиньяна;  
Зоя, рыдая, уходитъ.

## КАРТИНА ВТОРАЯ.

Пустынный островъ среди моря.

ДЬЯВОЛЪ:

*Сто шестьдесятъ четыре города  
Объѣгалъ въ двѣ зимы;  
Хотѣлъ бѣжать отъ плѣна женскаго,  
Какъ плѣнникъ изъ тюрьмы.  
Напрасно тотъ оковъ чурается,  
Кто ихъ несетъ въ себѣ:  
Пускай одной рабы избавится—  
Придетъ къ другой рабѣ.  
Ахъ, у кого въ крови заноза есть,  
Тому законно пасть,  
И тщетно онъ скорбитъ и мечется,  
Мою колебля власть.  
Онъ корабельникомъ отвозится  
На островъ, полный скалъ:  
Найдетъ ли тамъ успокоеніе,  
Котораго искалъ?*

МАРТИНЬЯНЪ:

*Какой мной обрѣтенъ покой въ пустынѣ!  
Отнынѣ вижу лишь просторъ морской,  
Песокъ, ничьей не поправный ногой,  
Небесъ и скалъ пустынные святыни.*

Далекъ соблазна, я живу близъ моря,  
И вторя шуму волнъ—лью слезный токъ.  
Корабль вдали, какъ маленькій челнокъ;  
И я смотрю безъ радости, безъ горя.  
Рѣчей людскихъ давно, давно не слышу,  
За крышу—небо, воду дастъ ручей,  
Мнѣ пища—хлѣбъ, спокоенъ сонъ ночей,—  
Я память страстью грѣшной не колышу.  
И женъ улыбка мнѣ давно не снится,  
Рѣсницы глазъ смежаетъ мирно сонъ.  
Отъ страстныхъ узъ навѣкъ освобожденъ,  
Я чистъ и воленъ, какъ морская птица.

Какъ тихо море послѣ вчерашней бури, будто и не оно бѣсилось и неистовствовало ночью. Такъ и душа моя. Господи, какъ мудро все устроено! Но что это тамъ бѣлѣтся, будто человѣческое тѣло? Ближе... ближе... такъ и есть. Теперь я даже вижу сѣрую облипшую одежду и доску, за которую онъ держится руками. Вѣрно, судно разбилося по близости. Какой-нибудь купецъ гонялся за прибылью, или любопытный юноша. Вотъ и прибыль, и познаніе, какъ рыбы поѣдаютъ человѣческія тѣла. А, можетъ быть, онъ—живъ еще: его совсѣмъ прибило къ берегу; онъ безъ бо-



роды, волосы короткіе. Пойду: или спасу;  
или погребу бѣднягу по христіански.

Уходитъ.

ДЬЯВОЛЪ:

*Ты хотѣлъ покой найти,  
Я жъ упрямъ:  
Развѣ нѣтъ къ тебѣ пути  
По морямъ?  
Ты отъ женщинъ, а онѣ  
За тобой;  
Снова будешь ты въ онѣ  
Самъ не свой.  
Ты спасешь себѣ бѣду:  
Нѣжный глазъ—  
И побѣду я найду  
Этотъ разъ.*

Входитъ Мартиньянъ, неся  
Левкадію, въ одеждѣ матроса,  
безъ чувствъ.

МАРТИНЬЯНЪ:

Онъ живъ еще: слава Создателю! Легонь-  
кій онъ, какъ мальчикъ, а высокій; рѣс-  
ницы у него длинныя,—какіе то у него гла-  
за, когда онъ ихъ открываетъ? Онъ вздох-  
нулъ... Вотъ, Богъ послалъ мнѣ спутника:

онъ будетъ помогать мнѣ въ трудѣ, говорить «славы» между псалмами, рассказывать о своемъ дѣтствѣ, я—о своей жизни. У него тонкія, бѣлыя руки, какъ у дѣвушки; на родинѣ онъ, вѣроятно, росъ съ сестрами при матери. Онѣ его любили и баловали, потому что онъ нѣженъ на видъ и, навѣрное, ласковъ. Онъ что-то прошепталъ?.. Нѣтъ, нѣтъ.

Левкадія:

Памфилъ, Памфилъ, спаси меня!

Мартиньянъ:

Зовешь друга. Очнись, приди въ себя: ты въ безопасности. Буря и море не грозятъ тебѣ болѣе.

Левкадія:

Гдѣ же Памфилъ, мой милый возлюбленный?

Мартиньянъ:

Памфила нѣтъ здѣсь, онъ погибъ или спасся въ другомъ мѣстѣ, какъ Богъ устроилъ.

Левкадія:

Не со мною? погибъ? ты—гадкій, что ты мнѣ говоришь? не видѣть его кудрей, не чувствовать его руки подъ шеей, его поцѣлуевъ! возможно ли? зачѣмъ ты меня возвратилъ къ жизни?

Мартиньянъ:

Слушай, мальчикъ, я—монахъ, и если твоя исторія полна соблазна, ты воздержись рассказывать ее мнѣ.

Левкадія:

Что мнѣ до тебя, разъ мнѣ будетъ легче! Ты—монахъ, ты долженъ слушать. Я такъ несчастна, счастливая еще такъ недавно!

Мартиньянъ:

Ты съ сестрами привыкъ говорить какъ дѣвушка.

Левкадія:

Ахъ, я вижу, что ты обмануть моею одеждой! Я—женщина, я скрылась, обстриг-

ти волосы, отъ родителей съ возлюбленнымъ, который теперь погибъ. Я такъ наказана, видишь?

**МАРТИНЬЯНЪ:**

Женщина? Угодники! и здѣсь соблазнъ меня не покидаетъ! Но поборюсь въ послѣдній разъ. Слушай, дѣвица или не дѣвица, кто ты тамъ есть, не можетъ солома и огонь въ одномъ быть мѣстѣ, и потому ты или я должны покинуть этотъ островъ.

**ЛЕВКАДІЯ:**

Куда же мы дѣнемся съ острова?

**МАРТИНЬЯНЪ:**

Сегодня день, когда пріѣзжаетъ рыбакъ съ пищей, и ты отправишься съ нимъ къ родителямъ, или куда хочешь.

**ЛЕВКАДІЯ:**

Никуда я не хочу, разъ любовь погибла! Я тоже хочу быть отшельницей, оставь меня съ собою!



**МАРТИНЬЯНЪ:**

**Нѣтъ, нѣтъ!**

**ЛЕВКАДІЯ:**

**Я буду тебѣ помогать, никто не будетъ  
знать, что я—женщина.**

**МАРТИНЬЯНЪ.**

**Да я то буду знать.**

**ЛЕВКАДІЯ.**

**Останься, не бросай меня. Ты монахъ,  
ты спасъ меня разъ, спаси еще разъ, ты  
долженъ это сдѣлать.**

**МАРТИНЬЯНЪ:**

**Въ море лучше брошусь.**

**ЛЕВКАДІЯ:**

**Мнѣ будетъ страшно, пожалѣй меня!**

**МАРТИНЬЯНЪ:**

**Не подходи, не подходи: еще шагъ—и я  
брошусь,—вѣрно тебѣ говорю.**

ЛЕВКАДІЯ:

Не шути такъ, не обижай меня, останься.

МАРТИНЬЯНЪ:

Господи, Тебѣ предаюсь!

Бросается въ море.

ЛЕВКАДІЯ:

Бросился? не можетъ быть.

Смотрить со скалы внизъ.

ДЬЯВОЛЪ:

*Для бѣгущихъ склономъ лозъ  
Нужны солнце и дожди,  
Не безводье, не морозъ.  
Кто имѣетъ сто занозъ,  
Тотъ спокойствія не жди.  
Тщетно женщинъ избѣгать,  
У кого въ крови огонь.  
Не сдержатъ и не догнатъ,  
Если лѣсомъ черезъ гать,  
Черезъ горы мчится конь.  
Побѣдитель я иль ты?  
Равный встрѣтили отпоръ.  
Въ дикой волѣ пустоты  
Не избѣгъ своей мечты,  
Не померкнулъ страстный взоръ.*

## КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Монастырь на горѣ; море; низкая каменная ограда.  
Вечеръ. Молодой монахъ сидитъ у входа въ  
келью.

МОЛОДОЙ МОНАХЪ:

*Дни и годы, страсть и младость,  
Вся краса и жизни сладость—  
Все пройдетъ.*

*Въ скорбномъ долѣ все плачевно,  
Горьки слезы и блодневно  
Око льетъ.*

*Ни богачъ, ни царь, ни воинъ  
Смерть осилить не достоинъ—  
Всѣ умрутъ.*

*Что виссонъ, что вина пьяны?  
Что, жена, твои румяна?  
Тщетный трудъ!*

*Усыпитъ ли чѣмъ тревогу?  
Ахъ, найти ли идѣ дорогу  
Въ тихій рай?*

*Милый гость, храни святыню,  
И жильемъ себѣ пустыню  
Избирай.*

Входитъ старый монахъ.

МОЛОДОЙ:

Здравствуй, отецъ. Пусть день тебѣ будетъ тихъ и спасителенъ.

СТАРЫЙ:

И тебѣ. Что ты дѣлаешь здѣсь?

МОЛОДОЙ:

Смотрю на море, пою, жду брата Мартиньяна.

СТАРЫЙ:

Едва-ли онъ сегодня выйдетъ: онъ очень слабъ послѣдніе дни. Я боюсь, что онъ скоро уйдетъ отъ насъ.

МОЛОДОЙ:

Я хотѣлъ спросить его, что значитъ мой сонъ сегодня.

СТАРЫЙ:

Ты имѣлъ видѣнье во снѣ?

МОЛОДОЙ:

Можетъ быть, это былъ просто сонъ, но онъ меня тревожитъ. Я видѣлъ, что жен-



щина, пришедшая издалека, принесла розу, расцвѣтшую въ темномъ сосудѣ, запыленномъ и треснувшемъ. Морскою водою я брызнулъ на милый цвѣтокъ, и женщина исчезла, а роза дивно благоухала въ ставшемъ прозрачнѣй стекла сосудѣ.

СТАРЫЙ:

Безъ сомнѣнья, этотъ сонъ—не простой; но отчего ты думаешь, что авва съумѣетъ его растолковать.

МОЛОДОЙ:

Онъ обладаетъ большою силой—Мартиньянъ. Мнѣ думается, онъ святъ. Вся его жизнь у насъ, само его появленье не свидѣтельствуетъ ли объ этомъ?

СТАРЫЙ:

Что мы можемъ знать о святости? Братъ Мартиньянъ обладаетъ большою силой, но ты не былъ здѣсь, когда его дельфины вынесли къ намъ изъ моря.

МОЛОДОЙ:

Я знаю это изъ рассказовъ.

СТАРЫЙ:

Это было большимъ чудомъ для всей обители. Вся его жизнь—жизнь крѣпкаго воина Господня: онъ прошелъ испытанія и огнемъ и водою—и не утрашился. Быстрыя и послушныя ноги имѣлъ онъ въ благочестивыхъ скитаніяхъ, неусыпающее и горящее сердце.

МОЛОДОЙ:

На покинутомъ имъ островѣ поселился другой отшельникъ?

СТАРЫЙ:

Тамъ долго жилъ скопецъ; когда онъ умеръ, узнали, что то была женщина.

МОЛОДОЙ:

Какъ удивительно!

Зоя показывается изъ-за ограды.

ЗОЯ:

Отцы, впустите, Христа ради.

СТАРЫЙ:

Развѣ ты не знаешь, что къ намъ не вхожи женщины?

МОЛОДОЙ:

И какъ могла ты пробраться? Здѣсь отвѣсная скала. Только здѣсь ограда и низка такъ, защищенная недоступнымъ подъемомъ. Какъ ты проникла?

ЗОЯ:

Вотъ, проникла.

МОЛОДОЙ:

Откуда ты? не несешь ли ты розы въ темномъ сосудѣ?

ЗОЯ:

Нѣтъ. У меня ничего нѣтъ въ рукахъ. А пришла я изъ обители матери Павлины подъ Виолеемомъ. Зовутъ меня Зиновія, въ міру же звалася я Зоей. Я—голодна и устала.

СТАРЫЙ:

Онъ дастъ тебѣ хлѣба и воды, но прошу тебя, опустишь на землю, чтобы тебя не было видно. Здѣсь какъ разъ келья отца Мартиньяна; онъ избѣгаетъ васъ.

Молодой монахъ уходитъ.

ЗОЯ:

Спаси васъ Христосъ за доброту.

СТАРЫЙ:

Скорѣе садись: я слышу отца Мартиньяна.

ЗОЯ:

Что слышу? не того ли? ужели?

Скрывается.

МАРТИНЬЯНЪ,

выходить и садится:

Здравствуй, братъ. Усталъ я, но духъ бодръ. Подышу соленымъ вѣтромъ передъ тѣмъ, какъ опять идти на молитву. Я почти забылъ, когда я спалъ по ночамъ.

ЗОЯ:

Мартиньянъ!

МАРТИНЬЯНЪ:

Кто-то позвалъ меня?

СТАРЫЙ:

Я ничего не слышалъ, авва.



МАРТИНЬЯНЪ:

Безсонница обманываетъ голосами. И кому  
меня звать?

ЗОЯ:

Мартиньянъ!

МАРТИНЬЯНЪ:

Опять. Я даже слышу, что это—женскій  
голосъ изъ-за ограды. Неужели ты не слы-  
шишь, братъ?

СТАРЫЙ:

Я ничего не слышу, авва.

ЗОЯ:

Мартиньянъ!

МАРТИНЬЯНЪ,

ПОДХОДЯ:

Ну, кто тамъ? не разгляжу. Что ты зо-  
вешь меня, и откуда знаешь? Ты—женщина,  
какъ будто.

ЗОЯ,

ПОКАЗЫВАЯСЬ:

Я—Зоя.

МАРТИНЬЯНЪ:

Ну, и что же? чего же ты, будь ты хоть Зоей, отъ меня хочешь?

ЗОЯ:

Ничего. Проститься. Ты забылъ меня?

МАРТИНЬЯНЪ:

А почему мнѣ тебя помнить?

ЗОЯ:

Ты сжегъ себѣ ноги изъ-за меня.

МАРТИНЬЯНЪ:

Что-то было. Теперь не стану жечь.

ЗОЯ:

Теперь не надо. Я сама себя сожгла, свою душу, свое сердце, свое тѣло, не только ноги. Ты сжегъ меня.

МАРТИНЬЯНЪ:

Не знаю, что ты говоришь: гдѣ ты горѣла, и что мнѣ до того?

ЗОЯ:

Ты сжегъ меня своею крѣпостью. Я бросила все, постриглась у матери Павлины, спасалась и думала все о тебѣ.

МАРТИНЬЯНЪ:

Напрасно думала: не думая, скорѣй спаслась бы.

ЗОЯ:

Нѣтъ, нѣтъ. Ты вель меня, живя въ моей душѣ.

МАРТИНЬЯНЪ:

Какъ ты сюда попала?

ЗОЯ:

Случай; рука Господня; пришла проститься.

МАРТИНЬЯНЪ:

Какъ ты теперь зовешься?

ЗОЯ:

Зиновіей.

МАРТИНЬЯНЪ:

Прости, мать Зиновія. Я радъ, что Богъ тебя привелъ къ спасенью; я не помню случая, о которомъ ты говорила, но вѣрь мнѣ, не мои силы, а Воля Божья черезъ меня вела тебя. Если я тебя оскорбилъ когда-нибудь, прости мнѣ. Ты найдешь путь свой, какъ нашла дорогу сюда. Прощай. Прощай, отецъ. Закатъ будетъ ясенъ сегодня.

Уходитъ.

СТАРЫЙ:

Онъ ни съ одною женщиной такъ не говорилъ: ты, очевидно, снискала Божію милость.

ЗОЯ:

Какъ онъ добръ, какъ онъ кротокъ, а я видѣла его въ крѣпкомъ гнѣвѣ, отецъ. Какъ молнія было лицо его тогда, я какъ теперь помню.

Молодой монахъ возвращается съ пищею и водою.

МОЛОДОЙ:

Подкрѣпись, мать.

ЗОЯ:

Развѣ я голодна? развѣ я устала? Тихій, тихій голосъ я слышу, благостные взоры я вижу. Я была большою грѣшницею, отцы, я такъ виновна передъ святымъ и передъ Богомъ!

СТАРЫЙ:

Кто не грѣшенъ, кто не виновенъ?

МОЛОДОЙ:

Подкрѣпись, сестра.

ЗОЯ:

Пустите, отцы, я поцѣлую землю, гдѣ ступали его ноги. Ноги, ахъ! ноги, сожженные на угольяхъ когда-то?

МОЛОДОЙ:

Онъ видѣлъ ее?

СТАРЫЙ:

Да, говорилъ съ нею.



МОЛОДОЙ:

Подкрѣпись, возлюбленная.

ЗОЯ:

Смотрите, какъ солнце красно, близкое къ закату; какъ море тихо, вѣтеръ спалъ. Душа же моя трепещетъ и томится. Гдѣ тѣ угли святыя, что ее утѣшатъ?

МОЛОДОЙ:

Солнце очень красно сегодня, завтра будетъ вѣтеръ.

Монахъ входитъ.

МОНАХЪ:

Братъ Памва, сходи къ игумену, скажи, что отецъ Мартиньянъ опочилъ. Я читаю отходную.

ДЬЯВОЛЪ:

*Опять униженъ, опять побитъ;  
Кто столько знаетъ, какъ я, обидѣ?  
Какъ мнѣ предвидѣть и какъ знать,  
Когда вступаетъ вдругъ благодать?  
И развѣ выше ужъ всѣхъ чудесъ,*

*Что онъ отъ женщинъ на гору взлѣзъ?  
Что-жъ? проигралъ я свою игру,  
Но я не плачу и глазъ не тру.  
Полѣзу снова я въ свой подвалъ,  
Но, право, кто-то тутъ сплутовалъ.*

EXIT LUDUS.

Юль, 1907—1908, Май.

